

ЛІТЕРАТУРА

1. Актуальні проблеми сучасного літературознавства та мовознавства. Зб. наук. праць / навч.-метод. каб. Вищої освіти. – К., 1991. – 362 с.
2. Батраченко Л. В. Літературні альманахи в Україні // Матеріали науково-теоретичної конференції викладачів, аспірантів, співробітників та студентів гуманітарного факультету // Упорядник і видавець С. А. Александров – Суми: Вид-во СумДУ, 2005. – Ч. 2. – 136 с.
3. Возняк М. С. З зарання української преси в Галичині // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка. – 1912. – Т. 111. – 260 с.
4. Громада. Українська збірка / впорядкована М. П. Драгомановим ; Передне слово до «Громади». – Женева, печатня «Громади», 1878. – Вип. 1. – 101 с.
5. Дорошенко І. Українська журналістика і критика другої половини XIX століття / Іван Дорошенко. – Львів, 1965. – 57 с.
6. З-над хмар и з долын: Укр. Альманах: Зб. творив сьогочасных авторив / Впорядкував и уложыв М. Вороний. – О., 190. – 254 с.
7. Історія української дожовтневої журналістики : навч. посібник для студентів вузів зі спец. «Журналістика» / О. І. Дей, І. Л. Моторнюк, М. Ф. Нечиталюк та ін. – Львів : Вища школа, Вид-во при ЛДУ, 1983. – 512 с.
8. Микола Ткачук. Світло «Русалки Дністрової» [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://dt.ua/SOCIETY/svitlo_rusalki_dnistrovoui-51474.html
9. Нечиталюк М.Ф. «Білі плями» у вивченні історії української дожовтневої журналістики: деякі питання методології і критики наукових джерел // Українська журналістика і національне відродження: Зб. наук. праць. – К., 1992. – 145 с.
10. Світанок. Літературно-художній альманах. – Суми: Обласне видавництво, 1958. – 128 с.
11. Українські літературні альманахи і збірники XIX – поч. XX ст. бібліографічний покажчик / Уклав І. З. Бойко. – К.: Видавництво «Наукова думка», – 1967. – 371 с.
12. Українська літературна енциклопедія: В 5 т. / Ред. кол. І. О. Дзевєрін (відп. редактор) та ін. – К.: Голов. ред. УРЕ ім. М. П. Бажана, 1998. – Т. 1: А-Г. – 536 с.
13. Франко І. Я. Українська альманахова література // Збір. творів: У 50 т. К., 1984. Т. 27. – 324 с.
14. Хітрова Т. В. Зародження та розвиток альманахової літератури на Запоріжжі. Наукові записки інституту журналістики. – К.: Ін-т журналістики Київ. нац. ун-ту імені Т. Шевченка, 2003. – Том 12. – 185 с.
15. Художньо-технічне оформлення видань різних видів [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1815>

Е. В. Юферева

Запорожский национальный технический университет
(г. Запорожье)

ПЕРИФЕРИЙНАЯ И/ИЛИ МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРСПЕКТИВЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ДИНАМИКИ

В литературоведении последних десятилетий исследовательское внимание отчетливо сместилось с центральных, ведущих фигур и явлений к периферийным и/или маргинальным, которые представляются более интригующими: сложными, неустойчивыми, таящими неизвестные или забытые имена, тексты, события. Активизация исследовательских усилий в этом русле привела к появлению теоретических направлений, например “теории инаковости”, “теория меньшинств”, использующих концепт “маргинальности” в рассмотрении механизмов сообщения и диффузии, принципов развития пограничных “сущностей” (об этом см. Дж. Каллер [2], С. Павличко [8]). Вместе с тем, изучение процессов “децентрации” очень разнонаправлено, так что говорить об общих закономерностях динамики периферии в социальных и художественных системах без дополнительных оговорок и условий ошибочно. В целях исследовательского интереса мы должны сузить пояснительный контекст понятия “периферийный” и “маргинальный” и ограничиться жанрологическим аспектом.

Как известно, периферия характеризуется нестабильностью, непредсказуемостью, гетерогенностью. Явления, попадающие в периферийную сферу, которую можно уподобить резервуару, в котором накапливаются недо- или отработанные факты, плохо поддаются системному описанию. Именно поэтому понятие “периферийный” текст, жанр – употребительное, но неотрефлектированное. Периферийным привычно именуют литературное явление, которое смещается от центра к периферии литературной системы исторического периода, приобретая признаки, не свойственные, противостоящие или

же, напротив, наиболее частотные в текущей литературной ситуации, делающие автора, произведение, группу произведений в этом контексте менее влиятельными, менее заметными и признанными читательской или критической средой. Таким образом, общепринятым параметром периферийного жанра выступает его пониженная ценность с коммуникативной точки зрения: такие произведения не пользуются популярностью, не оцениваются позитивно критикой или вообще не получают оценки. Определяющим фактором периферийности выступает историко-литературный контекст, в рамках которого формируются те или иные свойства периферизации. Периферийность – состояние динамичное, имеющее конвенциональную природу, не исключающее высокого художественного “качества” и новизны и переоценку в последующих этапах литературного развития.

Ю. Тынянов, разрабатывая общую модель динамики развития литературы как системы, через отказ от иерархизации литературы, представления о телеологичности ее развития сформировал и вывел на новый уровень проблему “второстепенных” в художественном смысле фактов, их факторов и значения. Концептуально созвучны идеям Ю. Тынянова размышления Я. Мукаржовского об особенностях функционирования периферийной литературы, ее близости к внеэстетической сфере и сложности оценки в работе “Эстетическая функция, норма и ценность”. Склонность к колебанию между эстетической и коммуникативной (внеэстетической) функцией, по мнению филолога, составляет суть, например, беллетризованных биографий или дидактической поэзии [7, с.42] – явлений периферийных. Идеи филолога созвучны тыняновскому представлению об эволюции. “Непрерывная изменчивость” [7, с.61] нормы как фона постоянных нарушений определяет и характер оценки произведения, и направление развития.

Суммируя наблюдения над периферийными образованиями, весьма разрозненными и ситуативными, необходимо констатировать противоречивость общей картины представлений об этом феномене. Проблема заключается, по нашему мнению, в том, что периферийность рассматривается как результат; игнорирование процессуальности явления и системного фона приводит к упрощению формулы периферийного жанра. Так, с одной стороны, и в ряде случаев это действительно верно, подобное образование характеризуется консервацией, архаизацией жанровой схемы, стабилизацией, поиском опорных универсалий, четкостью жанровых границ, контаминацией как основным способом межжанрового взаимодействия. Однако в перечне доминант периферийного явления нельзя указывать отсутствие установки на эксперимент, стремления к творческой новизне, которое приобретает чрезвычайно сложный, амбивалентный характер. То есть новизна может быть не реализована, не понята, перейти в латентное состояние. В противном случае нивелируется весь эволюционный потенциал периферийных явлений. Это сфера не только “готового”, но и “не готового”, экспериментального материала. Однако в любом случае надо говорить о переосмыслении той нормы, которая распространяется из “центра” системы. В объяснении принципов взаимодействия центра/периферии в аспекте нормы и ее нарушения мы ориентируемся на Ю. Лотмана. Для нас принципиальными являются его наблюдения динамики и ее замедления, процесс появления новаций, происходящий из напряжения между центром и периферией: “На периферии – чем дальше от центра, тем заметнее – отношение семиотической практики и навязанного ей норматива делаются все более конфликтными. Тексты, порожденные в соответствии с этими нормами, повисают в воздухе, лишены реального семиотического окружения, а органические создания, определенные реальной семиотической средой, приходят в конфликт с искусственными нормами. Именно здесь создается то поле напряжения, в котором вырабатываются будущие языки” [4, с.259].

В попытке осмысления и коррекции понимания периферийных явлений, идущего от работ Ю. Тынянова, понятие “периферийный жанр” уверенно отесняется определением “маргинальный”. Этот междисциплинарный термин, войдя в исследовательский обиход сравнительно недавно, оброс многочисленными значениями. В наиболее общем виде “маргинальный” – безоценочное понятие, обозначающее “внесистемный” [6, с.62]. В исконном антропологическом смысле: “Маргинал – тот, кто отстал и тот, кто опередил. Он может быть атавизмом отжившей уже культуры, ее ценностей, мышления и

языка. И может быть человеком будущего, чьи творения, не поняты и не приняты современниками, войдут в основание грядущей культуры. Но маргинал и тот, кто «заблудился», кто производит «продукты», — действия, произведения, ценности, не имеющие ни прошлого, ни будущего” [6, с.62].

В исследованиях литературы концепт “маргинальности” последовательно используется при изучении модернизма и постмодернизма. Однако обнаруженные закономерности, как, например, в работе С. Буниной, выполненной на материале русской литературы Серебряного века (исследователь определяет такие черты маргинализации: недовольство культурой, противопоставленность литературной норме, отказ от участия в литературной жизни наряду с эксцентричностью литературного поведения, изживание авторского себялюбия и самолюбования, творчество “вне групп”, неопределенность литературных связей [1, с.384]), присущи и другим, более ранним художественным эпохам.

О маргинальной лиминальности мировоззрения постмодерна пишет Г. Тульчинский. Исследователь говорит о “стрессогенной лиминальной ментальности, характерной для ситуаций перехода (социальных ломок, реформ, катастроф и т.д.), с ее типичными темами акцентированного (черного) юмора, тотальным пародированием и трансвестированием, повышенным вниманием к теме смерти, катастрофизмом, сюжетом конца света, специальным интересом к социальным девиациям, маргиналам, сексуальной свободе, гомосексуальности, транссексуальности, отрицанием научной рациональности, мистицизмом, эзотерикой” [10, с.40].

Системно-функциональное исследование периферии и маргинальности опирается на описание взаимодействия периферии и центра, понимаемое как источник развития системы. Исходя из дихотомически организованного механизма развития системы “центр/периферия”, маргинальность, включенная в эту систему, добавляет дополнительное звено и ресурс. Особенности маргинальности подробно обсуждались в курсе летней школы “Маргинальное в/для литературе/-ы”, результаты которой развернуто представлены в издании “Критика и семиотика”. О жанровой системе размышляла А. Милтенова на материале средневековой болгарской литературе. В этой работе была предложена интересная схема, в которой выделяются четыре степени каноничности: каноничность, квазиканоничность, неканоничность, антиканоничность, соотносящиеся с центром, периферией, маргиналией, анти-центром, “причем остов трехчленный: центр – промежуток – антицентр, где в промежутке остаются как количественно разные величины периферия и маргиналия” [5, с.126].

К. Станчев обратил внимание на нюансы, которые часто выпускаются из виду – о различиях между периферийным и маргинальным явлением. “Периферийное, в отличие от маргинального, принадлежит к основному тексту, тому же самому автору (или авторитету) и при определенных условиях может стать центральным. Он указал на два типа периферийности, в зависимости от подходов к ней: типологизирующего и оценивающего. В рамках первого, мы называем периферийным текст, который так удален от модели, что он приближается к модели какого-то иного текста или же к не-тексту. В рамках второго, мы называем периферийным текст, который близко следует за моделью, но сильно от нее разнится по качеству или интенсивности” [5, с.121]. Для К. Станчева сфера периферийного более широка, в нее вмещена и иногда с нею совпадает и сфера маргинального: маргинальное оказывается не больше и не меньше как степень (примерно, нулевая) периферийного, латентная периферия (подобно тому, как периферия – латентный центр) [5, с.121].

Характер взаимодействия периферии и центра (модели) в озвученной точке зрения представляется более обоснованным, но вот значение и роль маргинальности оспорили бы многие исследователи. В их числе Ч. Кронфельд, в работе которой обобщены типы маргинальности, выявленные в рамках различных методологических подходов. Автор сводит в единую таксономическую таблицу типы маргинальности в литературе, которая будучи эклектичной и во многих аспектах противоречивой, вместе с тем, несет понимание сложности и неоднородности проявлений феномена. Экстралитературная, лингвистическая и интралитературная типы маргинальности разветвляются на виды и

подвиды. В наиболее общем виде экстралитературная маргинальность классифицируется на гендерную, территориальную, этническую, политическую виды; лингвистическая – переводную и би/мультилингвальную литературу. Интралитературная маргинальность показана через “вид” (“genre”): субканонический подвид (популярная литература, детектив, порнография) и маргинально-канонический (нетипический жанр канонического писателя (поэзия прозаика), нехудожественный (“nonbelletristic”) (манифесты, мемуары), детская литература, “исповедальная” литература (автобиографии, дневники, мемуары); а также направление (“trend”): эпигоны, авангардные группы, авторы, не входящие ни в какие группы [13].

Маргинальность, также как и периферийность, опирается на характеристики промежуточности и переходности. В первую очередь, маргинальный жанр – это определенный вид текстов, произведенный на границе, выталкиваемый за границы системы, вмещающий “внесистемные” элементы. Но социально-антропологические корни явления сблизили его с особым статусом пограничности и позволили углубить понятие, открыть в нем неожиданные для литературоведения новационные резервы путем внедрения концепта “литературной лиминальности”. Соотношению лиминальности и маргинальности в системе литературе посвящен комплекс исследований (Д. Мазотта, Г. Перес-Фирмат, М. Спарриосу), которые отталкиваются в своих работах от концепта “лиминальности” В. Тернера, и синтеза с категорией маргинальности в схеме перехода А. ванн Геннепа. Лиминальность понимается как зона “между”, зона, ведущая структуру к антиструктуре, текст – к “нетексту”. Лиминальность демонстрирует не только удаленность от центра, но также и возможность создания альтернативных структур – основной функции теории лиминальности [14, с.133]. Один из дискуссионных аспектов теории, ставящей себе цель показать процесс превращения и появления нового в промежуточной зоне, это характеристика создания “других” форм и смыслов как субверсивного процесса, иными словами периферия более активна, нежели центр, но также стремится стать центром, “агрессивно отрицая его стазис и иммобильность” [14, с.52]. Интересно, что о “бунтующей периферии” замечает и Ю. Лотман, описывая “карьеру” кинематографа, а также тактики и художественные стратегии авангардистов. И тут же утверждается постепенность, ведь именно на дальних планах, в глубине смысловой структуры, как подчеркивает филолог, намечаются и накапливаются новые элементы, проникающие на первый план.

В сфере прикладных исследований жанра понятие периферии и маргинальности не дифференцируется и часто синонимичны. Тем не менее, необходимость более точного представления о явлениях, которые с жанрологической точки зрения трудно улавливаются и поддаются анализу, уже осознана. Одним из первых в российском научном пространстве, кто уделит внимание этой проблеме, стал Н. Лейдерман, который предложил классификацию маргинальных жанровых явлений. К таковым относятся как стереотипные, так и новационные образования: антижанр (пародия), фрагмент (диссоциация маргинальной структуры), новые жанровые модели (концепт жанровой феноменальности), новые старые модели (неактуальные или “долитературные”) [3, с.164].

Используя эту модель, последователи пытаются насытить ее конкретным содержанием. Так, исследователь авангардного текста в рамках жанровой маргинальности рассматривает процессы демонстративного профанирования жанрового канона (антижанр), создания фрагментарных текстов, реанимации забытых, создания принципиально новых (иногда одноразовых) жанровых форм. Например, в качестве последней разновидности Т. Тернова анализирует опус как новаторскую жанровую форму футуризма, для которой характерны: реализация образа дискретного времени, сущностные характеристики авангардной поэтики неготовности, синтез искусств (музыки и литературы), актуализация приемов визуализации текста, изменение заголовочно-финального комплекса – апеллятивность, формирующая читательские ожидания, ирония по отношению к тексту, балансирование на грани элитарной и массовой культур [9].

В литературе XIX века отмечается формирование произведений, типологически близких, но, вместе с тем, характеризующихся особенной подвижностью внутренней структуры, происходящей от индивидуального творческого осмысления действительности. В течение нескольких десятилетий складывалась своеобразная традиция обозна-

чать это явление неопределенное, неустойчивое, выбивающееся из круга привычных, понятием “свободный” жанр. В процессе индивидуализации жанра создается свободная поэма, а также фрагмент, культивируются отрывок, беседа, импровизация – формы, не обладающих композиционной определенностью, не связанных с четкими правилами развертывания смысла, лирического переживания. Теоретическими предпосылками возникновения метафоры “свободный” стали изменения в интерпретации жанрового развития, в частности, формирование представления об эволюции как взаимодействия и появление “генерализирующих” подходов, сверх-жанров. “Диффузность”, нестабильность не только жанровых, но и родовых границ, границ между прозой и стихом, указывает на широкое употребление лексемы “свободный”, соотносящейся с разными уровнями системы литературы.

Исповедь, дневник, письмо, путешествие, эссе – жанровое прочтение таких произведений редко обходится без акцентуации их принципиальной “не вписываемости” в привычные рамки. Общим знаменателем всех этих жанров является “личностный” фактор: пристально прослеживается внутреннее становление, кризис, перерождение личности, которое требует особой формы воплощения. Например, об исповеди М. Уваров пишет, что ее трудно удержать в рамках определенной формы религиозности, об отсутствии единого вербального кода, что она пишется как бесконечный поток самовыражения творческого гения [11].

Обратимся к авторитетной работе М. Эпштейна “Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре нового времени)”, в которой исповедь, дневник, автобиография представлены как очень близкие эссе жанры. Исследователь отмечает “неудовимность” и “неопределенность” эссе, его промежуточность, интегративную систему, в которой равновесие обеспечивается “эссемой”. Особенность жанра состоит не только в необычности предмета и способов его раскрытия, но в принципах саморазвития жанра, который обречен на непрерывный процесс жанрообразования: “...у эссеиста с каждым пассажем заново создаются сами критерии, любая система, едва проявившись, должна разрушить себя – иначе разрушится само эссе. Нет ничего тяжелее и требовательнее жанровой свободы, сполна предоставленной эссеисту, – за нее приходится платить непрерывными поисками жанра ...” [12, с.128]. Характеристики эссе как “свободного” жанра подчеркнута динамичны и парадоксальны. Эссе постоянно переступает границы разных способов постижения мира, образуя некую “самоподвижную” основу [12, с.125], интеграл, обеспечивающий бесконечно многообразное освоение. Наконец, происходит эссеизация литературы и философии, которая вовлекает разнообразные формы в интегративный процесс.

Динамика периферии характеризуется разнонаправленностью: это поток, выносящий и к обновлениям, и к устареванию форм, образов, жанров в литературе. Жанровая индивидуация, отклонение от жанровых норм, диффузивность, высокая вариативность – основные процессы обновления жанровой системы, протекающие на периферии. Однако в область динамики вовлекаются и процессы стереотипизации, архаизации жанровой модели, свертывания разнообразия, редукции, стирания субъективного влияния на структуру высказывания. Таким образом, сфера периферийного неоднородна. Выяснилось, что анализ периферийных явлений производится в горизонте нормы и коммуникативного измерения. Необходимо выделять уровни смещения относительно границы системы вплоть до контакта с внесистемными зонами – случай, который классифицируется как маргинальный. Но этап постепенного перехода в периферию, консервацию, часто сопровождающуюся консервативными творческими решениями, мы будем рассматривать как процесс периферизации, процесс перехода из центра в периферию и формирования ресурса для будущего обновления. Одним из выразительных свойств периферийного поля является то, что элементы периферии активно взаимодействуют между собой: в первую очередь, актуализируется не-центральный элемент, что может привести к выстраиванию особой, альтернативной парадигмы.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бунина С.Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века (М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева) / С.Н. Бунина. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 439 с.
2. Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер. – М.: Астрель, АСТ, 2006. – 158 с.
3. Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром) / Н.Л. Лейдерман // *Studia Slavistici*. – 2008 (V). – С. 147 – 177.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 2001. – 704 с.
5. Люцканов И. Маргинальное в литературе / для литературы / И. Люцканов // *Критика и семиотика*. Вып. 16. – 2012. – С. 118–147.
6. Малышев И.В. Тот, кто не в ногу / И. В. Малышев // *Маргинальное искусство* – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 62 – 63.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М.: Искусство, 1994. – 605 с.
8. Павличко С. Теорія літератури / С. Павличко. – Київ: Видавництво Соломії Павличко“Основи”, 2002 – 664 с.
9. Тернова Т.А. Феномен маргинальности в литературе авангарда первой трети XIX ст.: Дисс...д. филол.н.: спец. 10.01.01. “русская литература” / Т.А. Тернова. – Воронеж, 2012. – 524 с.
10. Тульчинский Г.Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы / Г.Л. Тульчинский // *Вопросы философии*. – 1999. – № 10. – С. 35–53.
11. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова [Электронный ресурс] / М.С. Уваров – СПб: «Алетейа», 1998. // Библиотека книг по философии [философский портал]. – Режим доступа: www.philosophy.ru/library/ubarov/02/02.html
12. Эпштейн М. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре нового времени) / М. Эпштейн // *Вопросы литературы*. – 1987. – № 7. – С. 120 – 152.
13. Kronfeld Ch. On the Margins of Modernism: Decentering Literary Dynamics / Ch. Kronfeld. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 292 p.
14. Sparosu M. The Wreath of Wild Olive: Play, Liminality, and the Study of Literature / M. Spariosu. – N.Y.: State University of NY Press, 1997. – 353 p.